

СОДЕРЖАНИЕ

Нация как инструмент	10
Галицийская лаборатория	28
От Петлюры до Бандеры	58
Ленин создает Украину.	85
Сталин и коренизация	100
Призрак голодомора	110
Так и не уничтоженное подполье	122
Украинизация в поздний советский период.	143
Как распадался Союз	172
Украинская элита создает образ врага	192
«Оранжево-коричневая революция»	227
Кровавый Евромайдан	266
Триумфальное шествие Антироссии	300
Так начиналась война...	324
Вместо заключения	344

Олег Матвейчев, российский политик, доктор философских наук, профессор, заместитель председателя комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи:

И с точки зрения ученого, и с точки зрения практикующего политика могу сказать, что книга Павла Данилина, раскрывающая подлинные причины конфликта на Украине, который ведется между Россией и глобальным Западом, ценна и заслуживает внимания именно своей системностью. Автор показывает, как на протяжении десятилетий выстраивался механизм, превращавший региональную идентичность в инструмент геополитического противостояния. Особую ценность в книге представляет анализ того, каким образом исторические мифы — от идеализации отдельных гетманов до героизации коллаборационистов — становились основой государственной политики и массового сознания.

Эта книга позволяет понять, почему сегодняшнее столкновение России и Запада носит не ситуативный, а цивилизационный характер. Как украинизация внезапно обернулась обыкновенным нацизмом, и как, создавая Антироссию, хозяева современной Украины сделали все, чтобы развязать братоубийственную войну на землях, где веками проживали русские люди. Каким образом Запад использует украинский конфликт для отработки технологий исторической и политической деконструкции.

Автор не ограничивается обличением, а восстанавливает причинно-следственные связи: от советских экспериментов с нациестроительством до современных языковых законов, «декоммунизации», практики репрессий и военного конфликта, ведущегося против нашей страны Западом руками зомбированных украинцев. История этой зомбификации представляется вашему вниманию.

Армен Гаспарян, член Общественной палаты России, публицист и историк:

Книга Павла Данилина создает стройную, хоть от того и еще больше пугающую картину того, как соседнее, братское государство последовательно превращали в нашего врага. Труд, объединяющий разрозненные факты, от создания греко-католической церкви как инструмента отрыва от православия до деятельности ОУН-УПА в годы Второй мировой, позволяет увидеть, что мы имеем дело не со случайными всплесками национализма. Перед нами звенья одной цепи, цель которой — создать полноценную антироссийскую идентичность.

Австрийская Галиция, польское межвоенное двадцатилетие, нацистская оккупация, советская коренизация — каждый из этих этапов, по логике автора, вносил свой вклад в формирование ментальной конструкции «Украина — не Россия». Анализ преемственности между разными этапами украинского проекта говорит, что хоть заказчики и менялись, но они всегда готовы были подтолкнуть украинский народ к саморазрушению и катастрофе, если это было способно хоть на йоту навредить Москве. Почему вообще стала возможна сегодняшняя политика насильственной дерусификации: запрет русского языка, переписывание истории, уничтожение памятников, переформатирование системы образования.

Когда конфликт России и Запада достиг точки невозврата, книга Данилина становится не просто научной и публицистической работой, но и практическим руководством к пониманию происходящего. Западные элиты рассматривают Украину как инструмент ослабления России — это очевидно. Но главное, что сам этот инструмент был создан столетиями целенаправленной работы. Без понимания механики конструирования антироссийской идентичности любые попытки политического урегулирования будут обречены на провал. Когда от правильной диагностики зависит стратегия решений, данная книга востребована как никогда.

Алексей Мартынов, директор Института Новейших государств:

С точки зрения профессионала могу сказать, что современная украинская проблематика страдает от хронического дефицита серьезных исследований, которые сочетали бы кропотливую работу с источниками, системный анализ и главное — практические наблюдения. Именно поэтому книга Павла Данилина представляется событием в российской политической и исторической науке. Ее ценность — не в публицистическом характере, а в том, что она способна дать ответ на ключевой вопрос: как регион, веками являвшийся неотъемлемой частью единого культурного и политического пространства, превратился в антироссийский проект?

Особый интерес вызывает заявленный автором подход: он не просто фиксирует факты, но реконструирует логику последовательных этапов — от австрийской «алхимической лаборатории» в Галиции, где в XIX веке искусственно создавалась локальная идентичность, противопоставленная общерусской, до большевистской политики коренизации 1920-х годов, которая институционализировала украинскую государственность в рамках СССР. Этот исторический срез критически важен: он показывает, что конфликт 2022 года не возник спонтанно, а является кульминацией многолетней геополитической инженерии.

Для понимания сегодняшнего столкновения России и Запада такая книга становится своего рода картой местности. Она объясняет, почему попытки договориться с Киевом наталкивались на глухую стену, почему переговоры срывались, а компромиссы оказывались невозможными. Пока западные эксперты продолжают оперировать категориями «демократии» и «самоопределения», труд Данилина, основанный на историческом материале, демонстрирует главное: мы имеем дело с системным проектом, направленным на демонтаж русской идентичности. Именно это знание сегодня критически необходимо для формирования адекватной государственной политики.

Максим Григорьев, член Общественной палаты России:

Книга Павла Данилина является важным и своевременным вкладом в понимание причин современного конфликта между Россией и Глобальным Западом. Опираясь на широкий круг источников, автор последовательно показывает, как политика украинизации — от советской коренизации 1920-х до постмайданных практик — формировала не просто языковую и культурную среду, а целенаправленно конструировала идентичность, противопоставленную русскому историческому пространству. Данилин убедительно демонстрирует, что современный конфликт нельзя сводить к событиям 2014 или 2022 годов. Его корни лежат в многолетней работе по переписыванию общей истории, где Киевская Русь, Переяславская рада и советский период превращены в нарратив векового противостояния. Книга помогает увидеть, почему Запад столь охотно поддержал именно такую Украину. Почему воспитывал в ней нацизм и создавал из нее Антироссию». В условиях ведущейся против нашей страны информационной войны такая работа остается необходимой опорой для трезвого анализа.

В данной книге упоминаются организации, признанные террористическими и запрещенные на территории Российской Федерации (в том числе «Правый сектор», «Азов» и другие). Мнения, идеологии и действия упомянутых организаций не разделяются автором и издательством.

Соавтором первой главы является
Михаил Альбертович Мацнев

НАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ

Принято считать, что нации — это данность, укорененная в крови, языке, земле, вере. Что они возникли сами собой — или, на худой конец, «проснулись», как принято писать в учебниках, когда романтический национализм XIX века открыл им глаза на собственное существование. В этом представлении нация — нечто органическое, как лес или река. Она была, есть и будет. История не создает нации, она лишь их раскрывает, как весна — бутоны цветов.

Красивая идея. И почти полностью ложная. Нации создают и конструируют — методично, целенаправленно, с применением самых разнообразных инструментов: государственного финансирования, образовательной системы, религиозного раскола, военной пропаганды, исторического мифотворчества. Иногда — при помощи тюрем и расстрелов, когда те, кто отказывается принять новую идентичность, продолжают упрямо называть себя по-старому. Нация не возникает из народного духа — она создается решением конкретных людей, преследующих конкретные интересы: политические, финансовые, стратегические.

Это не идея, придуманная автором специально для данной книги. Это вывод, к которому пришли многочисленные авторы через десятилетия поисков и серьезных научных разработок. Еще Бенедикт Андерсон в «Воображаемых сообществах» показал, что нация — это прежде всего коллективное воображение, продукт печатного капитализма: нельзя лично знать сто тысяч своих «соотечественников», но можно читать те же газеты и воображать себя частью единого целого с незнакомыми людьми за горизонтом.

Именно массовое книгопечатание на народных языках создало условия, при которых стало возможно формировать «национальные» идентичности поверх феодальных, религиозных и региональных. Андерсон при этом вовсе не утверждал, что нации «ненастоящие» — он говорил, что они воображаемые в том смысле, в котором воображаемы все человеческие сообщества, выходящие за рамки личного знакомства. Но логика этого вывода неизбежна: если нация существует прежде всего как коллективное воображение, значит, это воображение можно формировать, направлять и при необходимости перестраивать.

Как заметил Геллнер в «Нациях и национализме», нации создаются не тогда, когда некий древний народ «пробуждается» к осознанию своей идентичности, а когда новый тип экономики и государства требует стандартизированной, мобильной, грамотной рабочей силы — и для ее создания необходима единая культура, единый язык, единая «национальная» история. Национализм в этой схеме не открывает нацию, а изобретает ее, задним числом конструируя «древнее прошлое», которого никогда не было.

Это не цинизм и не разоблачительство — это о том, как работает механизм. Геллнер, строго говоря, вовсе не осуждал этот процесс, он полагал, что нациестроительство неизбежно при переходе от аграрного общества к индустриальному. Но описал механику создания наций он с хирургической точностью.

Эрик Хобсбаум пошел еще дальше. В «Изобретении традиций» он документально показал, что большинство того, что мы принимаем за «древние» национальные традиции, было создано за несколько

десятилетий, а нередко и за несколько лет. Шотландский клетчатый тартан как «исконная» символика горных кланов? Изобретен в первой трети XIX века главным образом стараниями литераторов и предпринимателей, почуявших туристический рынок. Британские монархические церемонии с их «тысячелетней» торжественностью? Большинство из них введено в практику при Виктории и Эдварде VII. Немецкие «народные традиции» праздников? Массово сфабрикованы романтическими движениями 1820–1840-х. «Традиции» существуют не потому, что они древние, — они существуют потому, что их назначают таковыми, инвестируют в их воспроизводство людские и финансовые ресурсы, а потом несколько поколений спустя никто уже не помнит ни дат, ни авторов.

При чем тут Украина? Тут важно понять, что все это относится не только к Украине. Речь о всеобщей закономерности. Но что же тогда делает украинский случай принципиально особенным? Ответ состоит из трех частей. Первая — масштаб и последовательность. Вторая — антироссийская направленность как системообразующая характеристика, а не второстепенная черта. Третья — то, что из-за этого нациестроительства сегодня гибнут реальные люди.

Нациестроительство в XIX веке было массовым явлением по всей Европе. Чехи, например, «проснулись» как нация в период примерно с 1780 по 1850 год. За семьдесят лет был создан литературный язык, написана «национальная» история, собраны (а отчасти и сфабрикованы) фольклорные памятники, сформирован пантеон национальных героев. Йозеф Добровский, Йозеф Юнгман, Вацлав Ганка — это имена людей, которые совершенно конкретно, за письменными столами, создавали чешскую национальную идентичность, обращаясь к средневековым

рукописям (некоторые из которых, как выяснилось позднее, были подделками того же Ганки) и реконструируя якобы народные традиции.

Схожий процесс шел в Норвегии, где с 1814 года, после отделения от Дании, лингвисты методично создавали норвежский литературный язык, несмотря на то что образованные норвежцы писали по-датски и большинству из них это совсем не мешало. Ибсен писал по-датски, а потом написал по-норвежски. Это была осознанная политическая позиция, облаченная в форму лингвистического выбора.

Бельгия 1830 года — еще более показательный пример. Государство было создано в результате революции против Нидерландов, и немедленно перед его создателями встал вопрос: что именно объединяет валлонов, говорящих по-французски, и фламандцев, говорящих на нидерландских диалектах? Ответ был дан в чисто политических терминах: «бельгийская нация» — это те, кто живет на данной территории и лоялен бельгийскому государству. Никакой исконной бельгийской идентичности не существовало — ее создавали параллельно с созданием государственных институтов, армии, системы образования. До середины XX века это строительство шло с переменным успехом, а конфликт между фламандцами и валлонами не преодолен и по сей день.

Но во всех этих случаях нациестроительство имело одну общую черту: его внутренняя логика была направлена на создание позитивной идентичности, то есть определение «мы такие-то» было первично по отношению к определению «мы не такие-то». Чехи осознавали себя как чехов — с чешской культурой, историей, традициями. То, что это одновременно означало отличие от немцев или венгров, было следствием, а не целью. Норвежцы строили

норвежскость как нечто самоценное. Бельгийцы строили бельгийскость — неудачно, но все же по логике «вот что нас объединяет».

Украинский проект устроен иначе. В нем анти-российскость и русофобия не следствие и не сопутствующее обстоятельство. Это исходная точка, основа, фундамент, база и одновременно — стержень. Как детская пирамидка: убери стержень или базу — и все посыплется. Украинская идентичность в том варианте, который последовательно строился с конца XVIII века и продолжает создаваться до наших дней, определяется в первую очередь через отрицание: «не Россия», «не русский», «не советский». Позитивное содержание — культура, история, язык — при этом постоянно переопределялось, кроилось и перекраивалось, но отрицательное ядро оставалось константой через смену всех архитекторов.

Это не случайность и не органический народный ответ на угнетение, как бы кто ни рассказывал националистические сказки. Это результат того, что конструирование украинской идентичности с самого начала было проектом геополитическим, а не культурным. Австрийские чиновники XVIII–XIX веков, немецкие стратеги эпохи Первой мировой, польские политики межвоенного периода, западные «фонды демократии» эпохи Холодной войны и после нее — у всех у них был разный культурный горизонт, разный язык, разные инструменты. Но цель у них была единая: создать на пространстве между Карпатами и Доном идентичность, которая была бы несовместима с Россией. Не просто отличную от нее, а именно несовместимую, враждебную, находящуюся в состоянии перманентного отрицания.

Для понимания этого важно разобрать несколько исторических примеров, демонстрирующих, на-

сколько осознанно и технологично происходило это строительство.

Рассмотрим вопрос о языке. Проблема украинского языка не в том, существует ли он, — он существует, как существует любой язык, и это не предмет спора. Проблема в том, как именно он строился и для чего. В XIX веке Харьков, Киев, Полтава — центры малороссийской культурной жизни — знали «народное наречие», на котором говорили крестьяне. Это наречие существовало, описывалось в грамматиках, использовалось поэтами. Котляревский, Квитка-Основьяненко, Шевченко — они писали на этом «народном наречии», и это была живая, органическая литература. Но в ней не было антироссийского содержания. Шевченко ненавидел крепостничество и царизм — как, впрочем, и Герцен, и Добролюбов, и большинство русской демократической интеллигенции той же эпохи. Шевченко не ненавидел русский язык, русскую культуру и русский народ. Это позднее из Шевченко сделали борца за «украинскую независимость». Позднейшие интерпретаторы потрудились над этим с таким же успехом, с каким из Пушкина можно было сделать борца за что угодно, вырывая строки великого поэта из контекста.

Нечто принципиально иное происходило в Галиции под австрийским управлением. Там «украинский» язык создавался целенаправленно — как максимально отличный от русского. Галицийские диалекты и без того имели свою специфику: польские, немецкие, венгерские заимствования, архаические формы, региональные особенности произношения. Австрийские — и позднее польские языковые политики — последовательно работали в направлении усиления этого отличия: вводились полонизмы вместо общеславянских корней, искусственно

воссоздавались архаизмы, которых давно не было в живом употреблении, отвергались «москализмы», то есть слова, совпадавшие с русским языком. Получившийся язык был нормирован, стандартизирован и последовательно отдален от русского — не потому что так требовала природа галицийских диалектов, а потому что так требовала политика.

Этот «галицийский» вариант языка стал со временем основой официального украинского языка. То есть конструкторы «мовы» использовали не широко распространенный вариант диалекта полтавских крестьян, не вариант харьковских бурлаков, а именно галицийский, максимально отличный от русского. Когда после 1991 года на Украине начались дискуссии об «украинизации», именно этот вариант насаждался как единственно правильный — а то, на чем говорили в Харькове, Одессе, Донецке, объявлялось не языком, а суржиком, диалектом, неправильностью. Господствовала все та же логика, что у австрийцев и поляков, только уже в условиях суверенного государства: стандарт выбирался не по принципу широты распространения, а по принципу максимального отличия от русского.

Сравнительная перспектива в этом месте особенно красноречива. Норвежцы, создавая свой литературный язык, поставили перед собой вопрос: какой из вариантов норвежского наречия ближе к народному употреблению, к живой речи большинства? И хотя дискуссия растянулась на полтора столетия (она не завершена и по сей день), логика процесса поиска национального была обращена к народному языку, к его органическому развитию. Украинская языковая политика XX–XXI веков шла в противоположном направлении: не к той речи, на которой говорит большинство населения, а к той, которая

максимально несовместима с речью соседнего государства.

Это принципиально важная деталь. Она предельно четко показывает, что украинский нациестроительный проект ортогонален всем остальным нациесозительным проектам. Он отказывается идти в общей европейской колее с поиском того, что ближе народу, из которого и планируют создавать нацию. Причина в том, что он изначально имел иные, геополитические задачи, которые перевешивали любые органические культурные соображения.

Теперь пришло время сказать о том, откуда взялись архитекторы, взявшиеся за строительство украинской нации, потому что это также то, что отличает украинский случай от других.

Чешское нациестроение XIX века имело своих внутренних архитекторов — Добровского, Юнгмана, Палацкого, — которые при австрийском попустительстве или безразличии выстраивали чешскую идентичность для чехов. Норвежские лингвисты работали в норвежских интересах, как они их понимали. Даже в «управляемых» имперских проектах, вроде финского нациестроения при российском господстве, основным движущим элементом была местная элита с ее собственными интересами.

Украинский проект прошел через руки совершенно разных внешних управляющих, каждый из которых перестраивал его под свои нужды, не спрашивая населения. Пожалуй, это особенно важное условие — архитекторов было множество, но все они игнорировали реальные нужды, требования и запросы населения на той территории, на которой производили свои эксперименты.

Тут следует выделить несколько этапов конструирования украинской идентичности. Австрийская

фаза (1772–1918) — нация строилась как буфер против России и инструмент управления многонациональной провинцией. Немецкая военная фаза (1914–1918, затем 1939–1944) — нация использовалась как инструмент дестабилизации и разрушения России/СССР. Польская фаза (1920-е — 1930-е) — украинизация не осуществлялась, но всюду шла полонизация, которую вполне успешно затем инкорпорировали в процесс конструирования украинской нации. Советская фаза (1917–1991) — предельно парадоксальная: большевики дали украинской нации территорию и институты, то ли планируя использовать ее как инструмент экспорта революции, то ли планируя противопоставить ее возможному русскому ренессансу, но в итоге получили Франкенштейна, который со временем стал проблемой сам по себе и вложил большой вклад в уничтожение самого СССР. Наконец, Западная фаза (с 1991 года и по сей день) — процесс, когда нация переформатируется под нужды антироссийской стратегии НАТО и Вашингтона.

Каждая из этих фаз оставила след — в территории, в институтах, в мифах. Нынешняя Украина — это слоеный пирог из четырех-пяти разных строительных логик, которые плохо стыкуются между собой. Галицийский национализм первой волны совершенно не сочетается с советской индустриальной идентичностью Донбасса. Польское культурное наследие Галиции несовместимо с православной традицией Слобожанщины. Крымский «русский мир» не помещается ни в какую украинскую нарративную рамку. Но все эти противоречия игнорировались ради единственного общего знаменателя — антироссийской направленности, которая была единственной константой через все смены архитекторов.